

Этнический фактор в конституционном регулировании территориального устройства стран БРИКС* 1

Ethnic Factor in a Constitutional Regulation of Territorial Structure of State in the BRICS Countries

Артур Николаевич Мочалов^{2 3}

Аннотация. Рассматривается влияние этнической и языковой структуры населения Индии, Южно-Африканской Республики, Китая, Бразилии, а также России на территориальное устройство данных государств, отмечаются некоторые сходства и отличия. Автор приходит к выводу, что во всех пяти странах территориальное устройство отражает особенности распределения этнических и языковых групп по территории государства. В то же время, только в России в числе конституционных принципов территориального устройства закреплён принцип самоопределения народов.

Ключевые слова: государственная территория, территориальное устройство государства, федерализм, территориальная автономия, этничность, БРИКС

Abstract. The article discusses the influence of ethnic and linguistic structure of population on territorial structures of India, South Africa, People's Republic of China, Brazil, and Russia. Some common features and distinctions are highlighted in the article. The author concludes that territorial structures of all the five states reflect spatial distribution of ethnic and linguistic groups. At the same time, only the Russian Constitution provides peoples' self-determination as a legal principle of structurization of the state territory.

Keywords: state territory, territorial structure of state, federalism, territorial autonomy, ethnicity, BRICS countries

Страны БРИКС представляют собой перспективное поле для сравнительного изучения территориальной структуры государства и влияния на нее этнического фактора. Все пять стран (Бразилия, Россия, Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика) являются полиэтническими, и в каждой из них особенности распределения этнических и языковых групп отразились на территориальном устройстве,

---

* Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-8057.2016.6. Впервые опубликована на русском языке в Вестнике Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4.

¹ Статья получена 13 марта 2018 года и принята к публикации 3 апреля 2018 года. / Paper received in 13th March 2018 and accepted to publication in 3rd April 2018.

² **Артур Николаевич Мочалов**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (г. Екатеринбург) / **Artur Nikolaevich Mochalov**, Candidate of juridical sciences, associate professor of the Constitutional Law Chair, the Ural State Law University (Yekaterinburg).

³ Доцент кафедры конституционного права *Уральский государственный юридический университет* (Екатеринбург, Россия); Главный редактор журнала «*Российское Право: Образование, Практика, Наука*». (ISSN 2410-2709).

закрепленном в конституциях. В то же время, различные исторические и политические условия, в которых развивались эти государства; разные социально-демографические характеристики и географическое положение обусловили различия в подходах к учету фактора этничности в организации государственной территории.

Три государства из пяти (Россия, Индия, Бразилия) имеют федеративную форму государственного устройства, причем в России и Индии используется практика т. н. национального, или этнического, федерализма. Близка к федерации форма политико-территориального устройства ЮАР, определяемая В. Е. Чиркиным как «региональное государство»⁴. В ее территориальной структуре также прослеживается влияние этнического фактора. В Китае в местах концентрированного проживания этнических меньшинств используется территориальная автономия. Федеративное устройство Бразилии не учитывает особенности этнического состава населения страны, однако данные особенности проявляются здесь в наличии земель исконного проживания коренных народов, пользующихся специальной конституционной защитой.

Индия – один из хрестоматийных примеров того, как этнический и языковой состав населения может отражаться в конституционном регулировании территориального устройства. Многочисленные этнические и этнолингвистические группы расселены по территории Индии не равномерно, а сконцентрированы в определенных географических регионах, причем ни одна из этих групп не составляет большинства в масштабах государства. Так, самый распространенный в стране язык – *хинди*, являющийся согласно ст. 343 Конституции⁵ ее официальным языком, – используется лишь немногим более 40 % жителей, проживающими преимущественно на севере страны⁶. Всего же население страны говорит примерно на 450 языках и порядка двух тысячах диалектов и наречий.

Данная особенность обусловила появление в 1956 г. т. н. лингвистического федерализма, предполагающего, что в каждом субъекте индийской федерации – штате – население использует один определенный язык или несколько языков⁷. Первоначально территория страны была разделена на 14 штатов (а также ряд союзных территорий), в настоящее время их 29. В соответствии со ст. 345 Конституции Индии законодательный орган каждого штата может утвердить какой-либо язык (или языки), используемый в таком штате, либо язык хинди в качестве официального. Так, например, хинди принят в качестве

⁴ Чиркин В. Е. Современное государство. М., 2001. С. 189.

⁵ Конституции государств Азии: в 3 т. Том 2. Средняя Азия и Индостан / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010. С. 177-448.

⁶ Ethnologue: Languages of the world. URL: <https://www.ethnologue.com/country/IN/languages> (дата обращения: 12.07.2017).

⁷ См.: Кашин В. П. «Штатомания» в Индии: опыт Теленганы и Гуркхаленда // Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты: материалы научной конференции / Под ред. Т. Л. Шаумян, В. П. Кашина и др. М., 2012. С. 35.

официального языка в таких штатах, как Химачал-Прадеш и Мадхья-Прадеш. В штате Тамил-Наду официальным языком является тамильский, в Ориссе – *ория*, в Махаращтре – *маратхи* и т. д. В ряде штатов официальный статус закреплен сразу за несколькими языками (например, *малаялам* и английский язык – в штате Керала).

В числе главных причин использования языкового принципа формирования штатов в Индии можно выделить две. Во-первых, лингвистический федерализм способствовал приобщению народов, говорящих на разных языках, к правовым и политическим ценностям, заложенным в основу индийской нации; их вовлечению в государственную и общественную жизнь (путем предоставления школьного образования на языках меньшинств, гарантий прав обращения в органы публичной власти на родном языке, использования региональных языков в официальных целях и т. д.). Во-вторых, лингвистический федерализм был призван преодолеть региональный сепаратизм ряда нехиндиязычных народов, в частности, тамиллов, выступавших против их *хиндизации*⁸.

Уже в момент принятия Конституции Индии специальным статусом был наделен штат Джамму и Кашмир. Иногда этот статус связывается с особым этноконфессиональным составом населения данного региона (единственного, где большинство составляют мусульмане). Однако Индия – светское государство, и, несмотря на поликонфессиональный состав ее населения (при том, что 80 % населения страны индуисты⁹), религиозная принадлежность здесь не имеет юридического значения и не может влечь каких-либо правовых последствий, в том числе применительно к конституционному статусу субъектов федерации. Правильнее говорить, что особый статус Джамму и Кашмира связан с историческими особенностями его вхождения в состав Индийского Союза, сопровождавшегося вооруженными столкновениями вдоль линии разграничения между Индией и Пакистаном¹⁰. Ст. 370 Конституции предусматривает определенные изъятия из действия актов федерального Парламента в пределах штата Джамму и Кашмир. Так, полномочия Парламента Индии издавать законы в отношении данного штата ограничиваются лишь вопросами, определенными Президентом страны после консультации с правительством штата. Положения Части VI Конституции, определяющие порядок формирования органов государственной власти штатов, также применяются в отношении

---

⁸ See: *Chadda M.* Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland. URL: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf>

(дата обращения - 12.07.2017); *Tillin L.* United in Diversity? Asymmetry in Indian Federalism // *Publius*. 2007. Vol. 37. No. 1. P. 60-61.

⁹ Сайт официальной статистической информации о результатах переписи населения в Индии. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html (дата обращения - 12.07.2017).

¹⁰ See: *Tillin L.* Op. cit. P. 54-55.

Джамму и Кашмира с ограничениями (формирование его органов осуществляется в соответствии с его собственной Конституцией).

Однако на северо-востоке страны, отделенном от «основной» ее части страны узким «коридором Силигури» и существенно отличающимся от нее в демографическом и культурном отношении, этнический фактор обусловил появление штатов, сохраняющих особый конституционный статус до настоящего времени. Северо-восток Индии населен многочисленными тибето-бирманскими народностями, имеющими родоплеменной уклад, каждая из которых занимает определенное географическое пространство. Некоторые из этих народностей (например, *нага*) еще при образовании Индии заявляли о нежелании входить в ее состав и настаивали на создании собственных национальных государств, апеллируя к праву наций на самоопределение¹¹. Тем не менее, эти территории все же стали частью Индийского государства. Федерализм в то время рассматривался в Индии исключительно как способ управления языковым (но не этническим) многообразием, в связи с чем идея создания «этнических» штатов на территориях проживания северо-восточных племен первоначально была отвергнута. К тому же, племена и занимаемые ими территории были сравнительно небольшими для того, чтобы получить статус штатов. Вместо этого Приложением 6 к Конституции было предусмотрено создание автономных округов в племенных зонах внутри северо-восточного мультилингвистического штата Ассам¹². Территориальная автономия, впрочем, не смогла погасить сепаратизм этнических групп. Этнические лидеры продолжали требовать независимости, нередко прибегая к террористическим методам борьбы. В результате политическое руководство Индии было вынуждено уступить и создать в 1962 г. первый «этнический» штат Нагаленд (на территории проживания племен *нага*), впоследствии на северо-востоке появились штаты Мизорам, Манипур, Мегхалая и Трипура, также образованные по этническому признаку.

В отличие от лингвистических штатов «основной» части Индии, не рассматриваемых индийской конституционной доктриной как форма самоопределения или самоуправления языковых групп или народов – носителей соответствующих языков (даже при том, что название «титulyного» народа может быть использовано в названии штата, например, Гуджарат, Тамил-Наду или Андхра-Прадеш), «этнические» штаты северо-востока по сути реализуют идею внутреннего самоуправления этнических групп в пределах «своих» территорий. Наиболее наглядно это может быть продемонстрировано на примере штатов

---

¹¹ See: *Chadda M.* Op. cit.; *Suan Hausing K. K.* Asymmetric Federalism and the Question of Democratic Justice in Northeast India // *India Review*. 2014. Vol. 13. No. 2. P. 90.

¹² See: *Dhar I.* Assam through the Prism of Reorganisation Experience // *Interrogating Reorganisation of States* / Ed. by A. Sarangi and S. Pai. New Delhi, 2011. P. 286.

Нагаленд и Мизорам, имеющих специальный конституционный статус в соответствии со ст. 371А и 371G Конституции Индии.

Так, акты индийского Парламента могут применяться в пределах Нагаленда только при наличии соответствующей резолюции законодательного органа данного штата, если такие акты затрагивают религиозные или социальные обычаи племен, их обычное право и судопроизводство, осуществление правосудия по гражданским и уголовным делам, а также право собственности и права на землю. Похожие изъятия из принципа верховенства федерального права закреплены и в отношении штата Мизорам. Тем самым Конституция Индии признает существование в этих штатах собственных правовых систем, основанных на обычном праве племен *нага* и *мизо*, и субсидиарное применение в них федерального законодательства. Данные конституционные положения во многом оформили фактическое положение дел: территории Нагаленда и Мизорама по-прежнему контролируются в основном этническими лидерами и племенными вождями, а не федеральными властями.

«Этнический» след усматривается рядом авторов также в выделении в 2000 г. из штата Бихар на востоке «основной» части Индии штатов Чхаттисгарх и Джаркханд (в которых порядка трети населения составляют племена *адиваси*)¹³. Ряд народностей, например, *бодо* и *горные гуркхи*, продолжают требовать создания «собственных» карликовых этнических штатов (соответственно Бодоленда и Горкхаленда). В настоящее время данные территории пользуются ограниченной автономией. Так, Бодоленд является автономным округом в составе штата Ассам, а статус земель гуркхов (формально в соответствии с Конституцией не признаваемых автономной территорией) определяется специальным законодательством штата Западная Бенгалия.

Логика лингвистического федерализма, используемая в Индии, имеет общие черты с подходом, принятым в Южно-Африканской Республике. Данная страна в соответствии с Конституцией 1996 г. не является федерацией, однако ее форма территориального устройства близка к федеративной: каждая из девяти ее провинций наделена Конституцией собственной законодательной компетенцией и представлена на общегосударственном уровне в «верхней» палате республиканского Парламента.

Ст. 6 Конституции ЮАР¹⁴ называет в качестве официальных 11 языков и устанавливает, что как правительство Республики, так и провинциальные правительства должны использовать в своей деятельности по меньшей мере два языка из этого списка.

¹³ См.: Иванов А. В. Индия: программы развития «племен» // Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты. С. 105; Кузнецова С. С. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве (на примере штата Джаркханд) // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4. С. 43-47.

¹⁴ URL: <http://www.justice.gov.za/legislation/constitution/SACConstitution-web-eng.pdf> (дата обращения: 12.07.2017).

Такое регулирование неслучайно: подобно Индии, ЮАР отличается высоким уровнем языкового разнообразия. Наиболее распространенный в стране язык – зулусский (*исизулу*). Но он, подобно хинди в Индии, не является языком большинства. Его используют в повседневной жизни лишь около четверти населения. Распределение языковых групп по территории страны неравномерно и связано не только с этнической, но и с расовой структурой населения. Большую часть жителей востока страны образуют представители африканской расы (или, согласно официально принятой в стране классификации, «черные»). При этом африканское население (составляющее в масштабах страны около 80 %) неоднородно в этническом и языковом составе. В нем выделяются такие этнические группы, как *зулусы*, *коса*, *сото*, *тсвана* и др. Причем проживают они не дисперсно, а концентрированно: каждый народ имеет свою историческую «малую родину» (народ *коса* проживает в основном на юге страны, *зулусы* – на юго-востоке, *сото* – на севере и т. д.) и говорит на своем языке. На западе ЮАР около 70 % населения составляют мулаты («цветные») – потомки тех, кто был рожден в смешанных европейско-африканских браках. Мулаты в основном используют язык *африкаанс* (произошедший от южно-африканского варианта голландского языка)¹⁵. В связи с этим все официальные языки в ЮАР (за исключением, пожалуй, английского), по сути, являются региональными.

Когда в начале 1990-х гг. после демонтажа режима апартеида и упразднения бантустанов встал вопрос о будущем территориальном устройстве Южной Африки, этнический, расовый и языковой признаки формально не являлись определяющими при формировании провинций (поскольку проведение внутренних границ в соответствии с данными признаками неизбежно воспринималось как реинкарнация бантустанов; по этой же причине были отвергнуты требования «белых» *африканеров* о создании «национального государства» (*Volksstaat*) в составе ЮАР на северо-востоке страны). Учитывались главным образом экономические соображения, хотя «культурные и языковые реалии»¹⁶ также принимались во внимание.

Особенности расселения расовых и этнических групп по территории страны (и связанное с этим распределение языков) не могли не отразиться на территориальном устройстве ЮАР. В каждой из провинций есть доминирующая этническая группа и доминирующий язык. Так, в провинции Квазулу-Натал большинство населения составляют зулусы, а наиболее распространенным является зулусский язык. Восточно-Капская провинция – регион преимущественного проживания народа *коса*, говорящего на языке

---

¹⁵ Данные переписи населения 2011 г. См.: Сайт официальной статистической информации ЮАР. URL: http://www.statssa.gov.za/census/census_2011/census_products/Census_2011_Census_in_brief.pdf (дата обращения: 12.07.2017).

¹⁶ *Christopher A. J. Regionalisation and Ethnicity in South Africa 1990-1994 // Area. 1995. Vol. 27. No. 1. P. 4.*

исикоса; Западно-Капская провинция – территория распространения *африкаанса* и проживания мулатов и т. д.

Необходимо отметить, что провинции в ЮАР, как и штаты в Индии, несмотря на этнолингвистическую природу, не рассматриваются конституциями данных государств как формы самоопределения этнических или языковых групп. Однако несложно заметить, что, например, название провинции Квазулу-Натал частично воспроизводит название титульной этнической группы – зулусов. Это связано с тем, что данный народ в прошлом имел опыт примитивной государственности: в XIX веке на месте современной провинции располагалось Королевство зулусов.

Этнический фактор проявляется и в территориальном устройстве КНР. В отличие от Индии и ЮАР, Китай – унитарное государство, состоящее из нескольких уровней административно-территориальных единиц (провинций, уездов, городов, волостей). В то же время, ст. 30 Конституции 1982 г.¹⁷ предусматривает существование регионов национальной автономии. К ним относятся автономные районы, автономные округа и автономные уезды. Согласно ст. 4 Конституции, региональная национальная автономия осуществляется в районах компактного проживания национальных меньшинств и является формой территориального самоуправления меньшинств.

Подавляющее большинство населения Китая (92 %) принадлежит «титульной» национальности – *ханьцам* (этническим китайцам)¹⁸. Но наряду с ханьцами в стране официально признается существование еще 55 этнических групп, являющихся национальными меньшинствами. Именно в местах их компактного проживания и образуются автономные регионы. Автономный район – наиболее крупная автономная территориальная единица, сопоставимая по размеру с провинциями. «Национальные» автономные районы и «ханьские» провинции, не имеющие автономного статуса, а также города республиканского подчинения являются верхним уровнем территориального деления Китая. Региональные автономные единицы среднего уровня – автономные округа – могут образовываться как внутри автономных районов (если их коренное население отличается от «титульной» этнической группы автономного района), так и внутри провинций (если в данной местности компактно проживают национальные меньшинства). Аналогичным образом, автономные уезды, представляющие собой нижний уровень территориального самоуправления национальных меньшинств, могут образовываться как внутри «ханьских» провинций, так и в составе более крупных автономных регионов.

¹⁷ Конституции государств Азии: в 3 т. Том 3. Дальний Восток / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010. С. 224-258.

¹⁸ Данные переписи населения 2010 г. See: Communiqué of the National Bureau of Statistics of People's Republic of China on Major Figures of the 2010 Population Census (No. 1). URL: http://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201104/t20110428_26449.html (дата обращения: 12.07.2017).

Несмотря на то, что национальные меньшинства в совокупности составляют лишь около 8 % населения страны, некоторые народы (например, тибетцы, уйгуры, монголы, чжуаны) населяют обширные территории. Например, Синьцзян-Уйгурский автономный район – самая крупная территориальная единица Китая, занимающая около 17 % площади ее территории, – является регионом исторически сложившегося компактного проживания уйгуров – тюркского народа, обладающего собственной идентичностью и преимущественно исповедующего ислам. Ханьцы здесь составляют менее половины населения. Еще более заметны диспропорции в Тибетском автономном районе, где доля тибетцев в структуре населения достигает 90 %.

Как отмечалось выше, этнический состав и, соответственно, территориальное устройство автономных районов также могут оказаться неоднородными: они могут включать в себя более мелкие автономные образования, являющиеся местами компактного проживания других этнических групп. Так, внутри Синьцзян-Уйгурского автономного района существуют Или-Казахский, Боро-Тала-Монгольский, Кызылсу-Киргизский и другие автономные округа (название «титულიной» национальности или национальностей всегда отражается в названии автономного региона). Внутри Или-Казахского автономного округа, в свою очередь, образован Чапчал-Сибоский автономный уезд. Всего в составе Китая 155 автономных регионов разного уровня, в т. ч. 5 автономных районов.

Важным отличием Китая от Индии и ЮАР является то, что правом автономии, или самоуправления, здесь обладают именно национальные меньшинства, а не публично-территориальные образования. В Индии и ЮАР этнические и языковые группы не рассматриваются как коллективные субъекты, располагающие групповыми правами. Соответственно, говорить о том, что, к примеру, в южно-африканском Квазулу-Натале государственная власть осуществляется зулусами, а в индийском Тамил-Наду – тамилами, юридически (и политически) некорректно (хотя, как отмечалось выше, некоторые штаты и автономные округа северо-востока Индии фактически представляют собой формы самоуправления малых народностей, даже несмотря на то, что индийская Конституция не признает коллективной правосубъектности этнических групп). Что касается Китая, то Конституция страны и Закон о региональной национальной автономии 1984 г.¹⁹ используют конструкцию «национальность, осуществляющая региональную автономию» (см., например, ст. 113 Конституции КНР, ст. 16, 17, 21, 22 и др. Закона 1984 г.). Ст. 4 Конституции КНР закрепляет принцип равноправия национальностей и гарантирует «законные права и

---

¹⁹ Law of the People Republic of China on Regional National Autonomy. Adopted at the Second Session of the Sixth National People's Congress on May 31, 1984 and promulgated by Order No. 13 of the President of the People's Republic of China on May 31, 1984. URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 12.07.2017).

интересы всех национальных меньшинств», придавая им тем самым свойства коллективных субъектов конституционного права.

Особая роль «титულიной» национальности при осуществлении региональной автономии проявляется, в частности, в том, что данной этнической группе должно принадлежать лицо, назначаемое на должность председателя соответствующего автономного региона. В то же время, ст. 113 Конституции и ст. 16 Закона 1984 г. подчеркивают, что в собрании народных представителей автономного региона должна быть представлена не только «национальность, осуществляющая региональную автономию», но и другие национальности, проживающие на соответствующей территории. Органы самоуправления автономных регионов, согласно ст. 6 Закона, осуществляют руководство всеми национальностями «в целях осуществления социалистической модернизации».

Используемый в Китае подход испытал на себе влияние советской конституционной доктрины, в которой территория также рассматривалась как экономическая основа жизнедеятельности соответствующей нации. Однако, в отличие от Советского государства, где федеративные отношения строились на основе права наций (народов) на самоопределение (самоопределение народов сохранено и в числе принципов федеративного устройства современной России в соответствии со ст. 5 Конституции 1993 г.), в Китае территориальная автономия – форма реализации права национальных меньшинств именно на самоуправление, но не на самоопределение. Право на самоопределение реализуется народами, населяющими Республику, путем вхождения в состав многонационального китайского государства²⁰.

Из советского государственного права Китаем был заимствован и принцип демократического централизма, положенный в основу функционирования органов автономных регионов (ст. 3 Закона 1984 г.). В соответствии с данным принципом они имеют двойственную природу и рассматриваются не только как органы национально-территориального самоуправления, но и как местные органы государственной власти. Причем Закон однозначно говорит о приоритете общегосударственных интересов перед местными и национальными интересами. По этой причине степень самостоятельности автономных регионов в Китае весьма ограничена.

Общей чертой Китая, Индии и ЮАР можно назвать то, что в регионах концентрированного проживания этнических групп допускается официальное использование региональных языков. В Китае, согласно ст. 121 Конституции, органы самоуправления

---

²⁰ See: *Howland D.* The Dialectics of Chauvinism: Minority Nationalities and Territorial Sovereignty in Mao Zedong's New Democracy // *Modern China*. 2011. No. 37 (2). P. 175.

пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными в соответствующем автономном регионе.

В наименьшей степени этнический фактор проявляется в территориальном устройстве Бразилии. Подобно другим иммигрантским государствам, этнические различия здесь стерты, в том числе благодаря тому, что практически все население страны использует единый язык (португальский). Как и Индия, Бразилия – федеративное государство, однако федерализм здесь не является ни «этническим», ни «лингвистическим» и используется главным образом с экономическими целями (в основном для выравнивания экономического уровня богатых южных штатов и относительно бедных севера и северо-востока)²¹.

Впрочем, «этнический» след в бразильском федерализме также присутствует. Если в южных штатах доля «белого» населения («евробразильцев») достигает 80 %, то на севере страны большую часть жителей (до 70 %) составляют мулаты²². Северо-восточный штат Баия считается среди бразильцев «африканским», поскольку его население сохраняет много африканских культурных черт²³. Доля граждан, называющих себя «черными» (в Бразилии, как и в ЮАР, цветовые обозначения расовой принадлежности приняты официально и определяются на основе самоидентификации), здесь достигает 16 %, а подавляющее большинство населения штата имеет африканских предков.

Говоря об этническом факторе в территориальном устройстве Бразилии, нельзя, однако, не обратить внимания на то, что статьей 231 Конституции 1988 г.²⁴ предусматривается создание территорий исконного проживания индейцев. Несмотря на то, что доля индейцев, ведущих традиционный родоплеменной образ жизни, в структуре населения Бразилии невелика (по данным переписи населения 2010 г. - 0,4 %²⁵), земли, за которыми закреплен режим территорий исконного проживания индейцев, в настоящее время покрывают около 13 % площади страны (а в отдельных штатах, в частности, в Рорайме, достигают 80 %). Специальный конституционный режим данных территорий заключается в том, что в их границах запрещается проживание лиц, не являющихся индейцами, а равно осуществление хозяйственной деятельности, за исключением традиционных форм хозяйствования коренных народов (охоты, рыболовства, собирательства, подсечно-огневого земледелия и т. д.). Некоторые исключения, впрочем, сделаны в отношении

---

²¹ See: *Souza C.* Brazil: The Prospects of a Center-Constraining Federation in a Fragmented Polity // *Publius: The Journal of Federalism*. 2002. Vol. 32. No. 2. P. 24.

²² Данные переписи населения 2010 г. См.: Официальный сайт Бразильского института географии и статистики. URL: <http://censo2010.ibge.gov.br/apps/atlas/> (дата обращения: 12.07.2017).

²³ *Данилова Г. А.* Раса и расовая политика в современной Бразилии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 1. С. 95.

²⁴ Конституции государств Америки: в 3 т. Том 3. Южная Америка / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2006. С. 123-302.

²⁵ Данные переписи населения 2010 г.

функционирования объектов гидроэнергетики и предприятий добывающей промышленности.

Земли исконного проживания индейских племен не вносят каких-либо исключений в федеративное устройство; они не являются особыми территориальными единицами, а вписаны в существующую федеративную структуру и располагаются на территориях соответствующих штатов и муниципий. Конституция прямо не признает за индейскими племенами права осуществления ими собственной юрисдикции на занимаемых землях, однако фактически в пределах этих территорий индейцы живут в соответствии со своими традициями и обычно-правовыми системами. Практике известны случаи, когда представители индейских племен, совершившие, например, убийство, освобождались от наказания по уголовному законодательству Бразилии в связи с тем, что они уже были подвергнуты наказанию на основании обычного права их племени²⁶ (хотя, в отличие от Конституции Индии, признающей юридическую силу обычаев некоторых племен, Конституция Бразилии не придает юридического значения обычному праву коренных народов).

Приведенный обзор демонстрирует, насколько многообразны проявления этнического фактора в территориальном устройстве государств. Общим для всех исследованных стран, невзирая на различия в их экономических, демографических и географических характеристиках и условиях исторического развития, является то, что *этнический состав населения учитывается при организации государственной территории*. На этом фоне «национальный» федерализм в России (нередко критикуемый и преподносимый некоторыми авторами как какое-то историческое недоразумение и правовая аномалия) не выглядит как нечто экстраординарное и подлежащее непременно осуждению. Как и в Индии, он во многом явился ответом на региональный этнический сепаратизм и был призван примирить общегосударственные интересы с интересами этнических групп.

Но, в отличие от Индии, в России федерализм основывается на принципе самоопределения народов, что под определенным углом зрения позволяет интерпретировать «национальные» (республики) и «национально-территориальные» (автономные округа, автономная область) субъекты РФ как форму самоопределения той или иной «титულიной» этнической группы и требовать признания за соответствующей группой особых прав на «ее» территории. В наличии возможности подобной интерпретации права народов на самоопределение (а не в «национальном» федерализме как таковом) заключается главная опасность сепаратизма. Именно поэтому другие страны старательно обходят этот вопрос

---

²⁶ See: Indigenous Rights in South America: FPIC and Other Key Issues for Natural Resource Development / Ed. by J. Sonoda. Westminster, 2016. P. 101.

стороной. Помимо России, о самоопределении народов говорит лишь Конституция ЮАР, но вне связи с территориальным устройством.

библиография

CHADDA, Maya. **Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland.** URL: <<http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-ConflictPrevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf>>. Acesso em 12 jul. de 2017.

CHIRKIN, Veniamin Evgen'evich. **Современное государство.** Moscou, 2001.

CHRISTOPHER, A. J. Regionalisation and Ethnicity in South Africa 1990–1994. **Area.** Vol. 27, № 1, 1995.

DANILOVA, G. A. **Раса и расовая политика в современной Бразилии: Мировая экономика и международные отношения.** № 1. 2009.

DHAR, Ivy. Assam through the Prism of Reorganisation Experience: Fragmentation of Identities and Political Disintegration. In: SARANGI, Asha; PAI, Sudha (eds.). **Interrogating Reorganisation of States: Culture, Identity and Politics in India.** New Delhi: Rutledge India, 2011.

HOWLAND, Douglas. The Dialectics of Chauvinism: Minority Nationalities and Territorial Sovereignty in Mao Zedong's New Democracy. **Modern China.** № 37 (2), 2011.

IVANOV, A. V. **Индия: программы развития «племен» // Индия : перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты,** 2013.

KASHIN, V. P. **Штатомания в Индии: опыт Теленганы и Гуркхаленда.** Индия : перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты : материалы науч. конф. Ed. Т. Л. Шаумян. Moscou, 2012.

KNABRIEVA, Т. Ya. **Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка.** Ed. Moscou, 2006.

KUZNETSOVA, S. S. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве (на примере штата Джаркханд). **Российское право: образование, практика, наука.** № 4, 2016.

_____. **Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток.** Ed. Moscou, 2010.

_____. **Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2 : Средняя Азия и Индостан / под ред. Т. Я. Хабриевой.** Moscou, 2010.

SONODA, Juan. (ed.). **Indigenous Rights in South America: FPIC and Other Key Issues for Natural Resource Development.** Westminster, 2016.

SOUZA, Celina. Brazil: The Prospects of a Center-Constraining Federation in a Fragmented Polity.

Publius: The Journal of Federalism. Vol. 32, № 2, 2002.

TILLIN, Louise. United in Diversity? Asymmetry in Indian Federalism. **Publius**. Vol. 37, № 1, p. 60-61, 2007.

SUAN HAUSING, Kham Khan. Asymmetric Federalism and the Question of Democratic Justice in Northeast India. **India Review**. Vol. 13, № 2, 2014.